

ной отмели, тянутся бесконечные заросли лозы. Красные ее стволыки веселой лентой опоясывают берег, а позади нее высится густой лес, полный грибов и ягод, а сейчас по-осеннему притихший и тоже весь в золоте, как богатырь в доспехах.

Уж не носятся над Днепром, как летом, с веселыми криками стаи серебристых чаек и множество других птиц. Все полно тихой торжественной красоты. Только ветер свободно гуляет по днепровской, синей воде, кидая белую пену с гребня на гребень. Глухо шумит темная вода под колесами. Эхо далеко-далеко разносит протяжные гудки парохода...

Олега невозможно было увести с верхней палубы, с осеннего ветра, вниз, в тепло.

Он по-своему быстро и легко познакомился с матросами, с седоусым важным капитаном и, не переставая, сыпал вопросами: почему пароход не тонет, если он железный, да еще с таким грузом; каким образом он устроен; почему гудок гудит; если пароход утонет, можно ли здесь жить на берегу, как Робинзон Крузо?

Читал матросам стихи, и те его охотно слушали, собравшись в кружок и покуривая.

На каждой пристани Олег просил меня и бабушку сойти с ним на берег «посмотреть, что там такое делается», и, конечно, добивался своего. Так мы и не спали из-за него всю ночь...

После приезда в Ржищев Олег сразу же пошел в школу. Двухмесячный перерыв не отразился на его занятиях, и он закончил второй класс с похвальной грамотой.

Как полюбил Олег Днепр! Уже девяти лет он мог переплывать его от берега до берега — расстояние в триста метров. Мальчик мечтал о лодке, чтобы самому грести и ловить рыбу. Я пообещала:

— Будешь хорошо учиться — исполню твое желание.